

— Г. Буква пишетъ въ *Рус. В.* о „Мѣщанахъ“ М. Горькаго:

„Главная сила пьесы въ ея внутреннемъ богатствѣ, въ обилии общихъ мыслей, которыми она занолнена и переполнена. Это драма идейная, тенденціозная, психологическая и аналитическая, драма нравственныхъ положеній и иллюзій, чувствъ, убѣжденій и стремленій, четырехъактный діалогическій обмѣнъ дѣйствующихъ лицъ афоризмами и сентенціями. Въ ней много съ точки зрѣнія театральнаго искусствъ и мастерства недостатковъ. Заново ставя, только въ средѣ мелкаго, разжирѣвшаго мѣщанства, — старый вопросъ объ „отцахъ и дѣтяхъ“, она относится также сурово и враждебно къ интеллигентнымъ, образованнымъ „дѣтямъ“, какъ и къ ихъ некультурнымъ и невѣжественнымъ „отцамъ“. Онъ переставитъ, — говоритъ, очевидно, отъ лица автора одно изъ дѣйствующихъ лицъ, пѣвчій Тетерева, Безсѣменову-отцу, мѣщанину-маляру, о сынѣ его. Безсѣменовъ, студентъ университета, — мебель въ твоёмъ хлѣбѣ и будетъ жить въ сознаниі, что долгъ свой передъ жизнью и людьми отлично выполнилъ. Онъ вѣдь такой же, какъ и ты, трусливъ и глушь... а можетъ, будетъ въ свое время и также какъ и ты, самоувѣренъ и жестокъ. И даже несчастенъ будетъ онъ вотъ также, какъ и ты“. Дочь Безсѣменова, школьница учительница, тоже образованная дѣвушка, тоже изображена кислымъ, расслабленнымъ, ни къ чему не пригоднымъ ноющимъ существомъ. Отсюда можно бы сдѣлать — многіе и дѣлаютъ — очель странный выводъ, что, по мнѣнію автора, для мѣщанской среды со всѣми ея различіями, сѣтъ науки, культура и образованность бесполезны и потому не нужны. Но утвержденіе, что сынъ-студентъ ничѣмъ не будетъ лучше отца-маляра, разумѣется слишкомъ пессимистично и вполнѣ произвольно. И въ „Мѣщанахъ“ довольно много подобныхъ этому недоумѣній. Идеи пьесы не соглашены между собою и бродятъ въ нѣкоторомъ туманѣ. Затѣмъ, въ „Мѣщанахъ“ мало сценическаго движенія и дѣйствія. Ходъ пьесы тянется со стороны ея фабулы медленно и вяло. Въ первомъ актѣ уже обозначено и какъ бы напередъ рассказано все то, что происходитъ въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ. Есть длинноты, требующія рѣшительныхъ сокращеній. Вся суть пьесы только въ разговорахъ, которые продолжаются около четырехъ часовъ. Къ концу драмы они даже утомляютъ вниманіе слушателя.

„Но всѣ эти недочеты „Мѣщанъ“ съ избыткомъ покрываются ихъ яркими и сильными достоинствами. Авторъ высоко настроенъ и все время держитъ зрителя въ мірѣ истинъ, запросовъ и волненій высшаго порядка. Онъ проникнутъ благородными и чистыми этическими, личными и общественными идеалами и побужденіями. Пьеса написана широкою кистью. Отсутствіе обычныхъ сценическихъ пружинъ, нитей, приманокъ и уловокъ много содѣйствуетъ ея серьезности, внушительности и, можно бы сказать, стилистичности. Это — драма, задуманная не для досужаго развлеченія публики, а для воздѣйствія на мысль и чувство мыслящаго и чувствующаго современника. Она вполнѣ литературна. Въ ней больше литературы, точнѣе — литературной философіи, чѣмъ театра. Текстъ „Мѣщанъ“ цѣнный. Онъ могъ бы быть болѣе сжатымъ, но въ немъ вовсе нѣтъ празднословія и пустословія. Авторъ могъ бы дать отчетъ по совѣсти почти въ каждой своей фразѣ. Текстъ слушается съ приподнятымъ и неослабѣвающимъ интересомъ. Въ немъ множество свѣжихъ обобщеній, наблюденій и замѣчаній; съ ними можно не соглашаться, но въ нихъ есть извѣстная глубина и содержательность, есть то „нѣчто“, свое и характерное, что отличаетъ въ области мысли умъ оригинальный и смѣлый. Серьезное кое-гдѣ удачно перемѣшано съ шутливымъ. Остроуміе — бытовое, нѣсколько грубоватое, но яркое и также свѣжее. Дѣйствующія лица производятъ одинаково полную и плѣнительную иллюзію людей вполнѣ реальныхъ, прямо изъ жизни на подмостки поднявшихся. Въ лѣпкѣ и окраскѣ ихъ авторъ блестяще щегольнулъ своею наблюдательностью, своимъ знаніемъ данной среды и своимъ огромнымъ изобразительнымъ талантомъ. Ихъ діалогъ не заставляетъ ничего желать. Это — образцовая для сцены бытовая рѣчь, богатая массою поговорокъ, присловій, мѣткихъ или красныхъ словъ и словечекъ, — рѣчь въ то же время у каждаго персонажа своя, индивидуальная, отъ начала и до конца пьесы выдержанная. Нѣкоторыя выраженія и опредѣленія, — на примѣръ, студента Шишкина — „милый пѣтушокъ“, Безсѣменова-сына — „мѣщанинъ, бывший полчаса гражданиномъ“, швеи Поли — „славная конопляночка“, пѣвчаго Тетерева — „потомственный алкоголикъ и кавалеръ зеленого змія“, Безсѣменова отца — „мудрецъ, однихъ штановъ, можетъ, больше сорока штукъ износившій“, и др., — сразу западаютъ у зрителя въ память и остаются въ ней. Нужно прибавить затѣмъ, что труппа гг. Станиславскаго и Немировича-Данченко исполняетъ „Мѣщанъ“ великолѣпно. Намъ рѣдко приходилось видѣть гдѣ либо такое замѣчательное, такое дружное, блестящее и тонкое исполненіе. Оно вызывало у петербургской публики искренній восторгъ, близкій къ энтузіазму. Въ общемъ „Мѣщане“ даютъ на сценѣ цѣлую полосу новой жизни. Въ ней много любопытнаго идейнаго броженія; она выдвигаетъ едва лишь слагающіеся типы; въ ней слышатся новые споры, новыя воззрѣнія, новые запросы; ее превосходно воспроизводятъ и освѣщаютъ, — и этимъ объясняется необычайный успѣхъ у публики пьесы г. Горькаго“.